

О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации

Николай Никитин

On gender issues in Siberia in the early stages of Russian colonization

Nikolay Nikitin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870017377-5

Семейно-брачные отношения сибиряков привлекали внимание многих исследователей. Дореволюционные историки обычно сводили гендерные проблемы переселенцев к так называемому женскому вопросу — нехватке за Уралом в XVI—XVII вв. русских женщин и, как следствие, падению морали и массовой метисации населения, которая, по мнению некоторых авторов, привела к превращению сибиряков в «особую народность»¹. Главным обоснованием этого мнения являлись исходящие от высшего духовенства Сибири документы обличительной направленности, изображающие первопроходцев и первопоселенцев как людей, открыто и массово сожительствующих с «иноземскими жонками» и погрязших в «блудном пребеззаконном житье».

Из отправляемых из Тобольской епархии в Москву в 1620-х гг. сообщений следовало, что в Сибири того времени происходило то, «о чем не только писать, но и слышать гнусно». Патриарх Филарет узнал, что многие русские в Сибири «живут с некрещеными иноземками как со своими женами и детей с ними приживают», «женятся на сестрах двоюродных и родных, на дочерях своих, блудом посягают на своих матерей и дочерей». Сообщалось, что, отправляясь из дома надолго по каким-либо делам, многие закладывают своих жён (такое право по законодательству того времени мужья имели)². Принявшие их в заклад с ними «блуд творят беззастенчиво», и если вернувшиеся мужья жён своих не выкупят, то владельцы такого живого заклада их продают «на воровство и на работу всяким людям», а иные «бедных и убогих вдов и девиц беспомощных для воровства берут к себе насильно... А иные... на Руси жен своих и детей пометали, а в Сибири поймают иных жен; а у иных... и в Сибири на том городе жена и на другом другая, а иные... велят женам своим блуд десяти с чужими мужми»³.

Судя по таким сообщениям, сибиряки наладили и «контрабандный» вывоз женщин из Европейской России, для которого порой использовали изощрённые способы. Отправляясь «со всякими государевыми делы» в Москву, казаки за верхотурским волоком (т.е. на сибирской «границе») женились, затем жён своих там же оставляли, «на Руси» снова женились или просто подговаривали

© 2021 г. Н.И. Никитин

¹ Шапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937. С. 129; Шапков С.С. Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. 1867. № 17—20. С. 681—736; № 22—24. С. 232—272; Оглоблин Н.Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII в. // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 195—207; Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири. Вып. I. М., 1915. С. 64, 70—76.

² Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. М., 1986. С. 152.

³ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 200; Фирсов Н.Н. Указ. соч. С. 70—71.

женщин ехать с собой в Сибирь (причём, как правило, на казённых подводах), а по возвращении всех вывезенных спутниц продавали «своей же братье». Практиковалось и похищение «женок и девок» друг у друга. Резюмируя такие факты, историки приходили к заключению, что на женщину в Сибири тогда смотрели как на ходовой товар, ради обладания которым переселенцы готовы были идти на тяжкие преступления. Отсюда следовал и, казалось бы, логичный вывод, повторяемый некоторыми современными исследователями: если пришельцы «не церемонились с русскими женщинами, то тем менее они церемонились с инородческими. Вся история покорения Сибири и история взимания с её обитателей ясака есть вместе с тем история похищения женщин у инородческого населения»⁴. Такие взгляды до 1930-х гг. бытовали не только среди историков, находя отражение и в поэзии. Марина Цветаева в стихотворении «Сибирь» упомянула казаков, которые «жёнок сманенных проигрывали в зернь».

Последующие исследования показали, что масштаб уродливых явлений, порождаемых гендерным дисбалансом и грубостью нравов, историками сильно преувеличен: такие явления могли получать заметное распространение лишь в ограниченный временной период, на самых ранних этапах колонизации, не носили глобального характера и к тому же касались почти исключительно служилых людей. Крестьяне (численно возобладавшие в Сибири к началу XVIII в.) в вышеприведённых «бесчинствах» замечены не были, хотя от нехватки женщин страдали больше других категорий русского населения. Об этом свидетельствовали челобитные, отправляемые в Москву холостыми крестьянами Сибири в 1620—1630-х гг. с просьбами прислать «женочек, на ком женитца». Главный мотив жалоб на одинокое житьё — невозможность наладить домашнее хозяйство: «Хлеб печем и есть варим, и толчем, и мелем сами. Опочиву нет ни на час. А кабы... женушки были, мы хотя бы избные работы не знали». «Спечь и сварить на них некому, живут непрочно», — подтверждали слова жалобщиков воеводы⁵. Реакцию служилых людей на такие ситуации охарактеризовал Н.Н. Оглоблин: «Как лица более самостоятельные и властные, более энергичные и предприимчивые, они считали излишним беспокоить государя челобитными о своих семейных делах и решали их самовольно, каждый по своему вкусу и обстоятельствам». Как считал Оглоблин, «произвол служилых людей в этих делах нередко принимал крайне безобразный характер»⁶.

В конце концов не в меру «предприимчивым» служилым людям в Сибири был дан окорот. Рядовое сибирское духовенство и светские власти, поначалу сквозь пальцы смотревшие на описанные «беззакония» (а порой и покрывавшие их), под давлением Москвы стали бороться с ними более последовательно и решительно. Но всё же главной причиной постепенного изживания всего этого «негатива» стало изменение демографической ситуации в Сибири.

По мере увеличения за Уралом числа русских женщин, укрепления позиций православной Церкви и складывания других благоприятных условий

⁴ Фирсов Н.Н. Указ. соч. С. 73; Хоменкер В.Р. Социальная структура, гендерный состав и семейные отношения русских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск, 2019. С. 256.

⁵ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 199—200; Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск, 2005. С. 131; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 314.

⁶ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 200.

для создания у переселенцев полноценных семей внебрачное сожителство и наложничество уходило в прошлое, причём в Западной Сибири гораздо быстрее, чем в позже присоединённой и реже населённой Восточной. Разрыв в соотношении полов уменьшался путём перевода за Урал из европейской части страны «на вечное житьё» служилых людей и крестьян вместе с их семьями, а в ответ на жалобы одиноких сибиряков на трудности ведения домашнего хозяйства московское правительство озаботилось отправкой в Сибирь (нередко насильно, в ссылку) специально набранных партий «жонок и девок» с предписаниями выдавать их там замуж за служилых людей и крестьян. Семьям ссыльных разрешали следовать за мужьями и отцами в Сибирь. Среди добровольных переселенцев тоже неуклонно возрастало число людей семейных, включая тех, кто, устроившись в «новой государевой вотчине», возвращался на родину и легально вывозил оттуда свои семьи. Наконец, во второй половине XVII в. за Уралом развернулся процесс естественного воспроизводства пришлого населения, и к началу XVIII в. гендерный дисбаланс в целом сошёл на нет, а местами женщин среди русских становилось даже больше, чем мужчин⁷.

Численное соотношение одиноких и семейных людей могло сильно различаться в разных социальных группах и регионах. Доля женатых у крестьян обычно была выше, чем у служилых людей, а у тех — выше, чем у «промышленников» (охотников на пушного зверя). В целом картина получается пёстрой. В Енисейском уезде в 1669 г. люди семейные составляли 56,6% крестьянского населения, в 1680 г. — 67,6%. В Кузнецком уезде в середине XVII в. более половины крестьян оставались холостыми. Среди енисейских служилых в 1669 г. женатые составили чуть более 29%, в красноярском гарнизоне их доля возросла с 22,4% в 1637 г. и 61,4% в 1662 г. до 81% в 1693 г. В Туруханске в 1671 г. семьями обзавелись 64% стрельцов. В Сургуте уже в 1625/26 г. почти 70% служилых людей имели семьи. Эта цифра была вообще характерна для городов Тобольского разряда (куда входил и Сургут), при том, что среди конных казаков людей семейных (и «прожиточных») оказывалось намного больше, чем среди казаков пеших⁸.

В представлении Н.Н. Оглоблина, большинство сибирских служилых людей XVII в. — «бессемейная и бездомовная голытьба, привязанная к известному городу или острогу единственно получаемым здесь “государевым жалованьем”, да возможностью “погулять” тут после походных лишений — добраться до “хмельнаго зелья”, “питья табаку”, игры “в зернь” и т.п. Ничто более прочное не привязывало их к населённым центрам». В этом он видел корень многих негативных последствий русской колонизации Сибири и полагал, что их можно было избежать при иной демографической ситуации: «Кто знает, какими путями пошла бы русская колонизация Сибири и какой характер она приобрела бы, особенно в отношениях к инородцам, если бы среди русских перонаселенников этого края люди семейные преобладали над бессемейною

⁷ Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. Вып. 1 / Сост. Е.Н. Ошанина. М., 1982. С. 65; *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. С. 20; *Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в.* М., 1981. С. 10; *Каме-нецкий И.П.* Русское население... С. 115—116; *Вершинин Е.В.* Указ. соч. С. 315—316.

⁸ *Этнография русского крестьянства...* С. 15, 30; *Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.* Новосибирск, 1982. С. 407; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 138; *Барахович П.Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 77—78; *Вершинин Е.В.* Указ. соч. С. 316—317.

вольницею»⁹. Выдающийся историк-архивист не владел тем материалом, которым располагают нынешние сибиреведы, а потому допускал большие преувеличения в оценках и выводах.

Нельзя не заметить, что слабость межсословных перегородок за Уралом отражалась и на брачных отношениях сибиряков. Хотя известны попытки воевод побуждать крестьян выдавать своих дочерей замуж за крестьян же, а не за служилых людей, такая практика большого распространения и успеха не имела. Женитьба промышленных или служилых людей на крестьянских или посадских вдовах и дочерях была за Уралом заурядным явлением¹⁰. Подобные браки заключались порой тоже под давлением администрации, пытавшейся в меру возможностей влиять на демографическую ситуацию. Воеводам предписывали под угрозой больших штрафов заставлять крестьян выдавать дочерей и племянниц за ссыльных, чтобы «тех ссыльных холостых людей от побегу унять»¹¹.

Кроме русских в сибирской ссылке нередко оказывались и «иноземцы» европейского происхождения — как правило, из числа военнопленных. В документах этот контингент чаще всего обозначался термином «литва», поскольку основная масса ссыльных «иноземцев» являлись выходцами с территории Речи Посполитой. Этнических литовцев среди них было менее всего — гораздо больше за Уралом оказывалось поляков и «немцев». Порой они попадали в Сибирь семьями — с жёнами, детьми, даже более дальними родственниками, с «работницами» и «челядницами», поэтому неудивительно, что некоторые из ссыльных «литвинов», устраивая жизнь на новом месте, «жилились на ссыльных же паньях» или «иноземческих» вдовах. Однако большинство «иноземцев», желавших завести в Сибири семью, рождались с русскими, что нашло отражение и в «росписи ссыльным людям»: «В прошлом во 162-м году октября в 5 день... присланы с Москвы в Тоболеск литовские выходцы Панка Коченовский да Зиновко Клестов. И Панка Коченовский в Тобольску крестился и женился на русской казачьей жене, и ныне в Тобольску и государеву службе служит в детях боярских»; «Мая в 17 день по государеве грамоте прислан с Москвы в Тобольск шляхтич новокрещен Яков Стабровский да с ним человек ево Бартошко Микулаев; и в Тоболску тот Яков женился на ссыльной русской девке на Анютке Дмитриеве дочери Второго, и ныне в Тобольске в детях боярских». Записи такого рода преобладают над теми, где говорится о заключении ссыльными браков в своей же «иноземческой» среде¹².

«Женский вопрос» в Сибири историки рассматривают в самых различных аспектах, и из приведённого материала может сложиться впечатление, что оказавшиеся за Уралом представительницы «слабого пола» являли собой лишь безответные жертвы мужского деспотизма и насилия. Это, однако, далеко не так. Надо отметить, что многие из происходивших за Уралом «насильств» и «беззаконий» по отношению к женщинам стали известны нам только благодаря тому, что жертвы произвола обращались в воеводскую администрацию за защитой, т.е. активно отстаивали свои права. Дошедшие до нас документы свидетельствуют и о том, что в Сибири женщины не только пытались, но и брали судьбу в свои руки. Например, прапорщик Михаил Клосинов, отправленный в ссылку вместе с женой Варварой, приехал в Сибирь один, поскольку

⁹ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 195—196.

¹⁰ Барахович П.Н. Служилое население... С. 78.

¹¹ Этнография русского крестьянства... С. 45—46; Каменецкий И.П. Русское население... С. 131.

¹² Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 39—75.

ку «та жена ево на Москве збежала безвестно»¹³. Томский воевода кн. Пётр Пронский столкнулся в 1640 г. с другой ситуацией. У приехавших «с Руси» служилых обнаружилось несколько «привозных русских женок», на которых были незаконно составлены «крепости». Попытка освободить их не увенчалась успехом: оказалось, что они ничего не имели ни против «крепостей», ни против сожительства с доставившими их в Сибирь людьми и заявили воеводе, «что они — вдовы вольные, а били челом томским служилым людем своею волею и впредь у них жить хотят»¹⁴. «Шекспировские страсти» разыгрались в 1627 г. в г. Таре. Неверная жена казака Афанасия Прокудина наняла ясачного татарина убить мужа, и после того, как тот ночью отрубил топором голову спящему Афанасию, с помощью «полюбовника» сожгла тело супруга под овином. Ещё одной «леди Макбет Тарского уезда» оказалась казачья жена Аксинья. Узнавший о её похождениях муж попытался убить соперника, но Аксинья сначала спасла любовника от расправы, а затем сама «зарезала мужа до смерти», отвезла его тело на речку и закопала¹⁵. Подобные случаи, конечно, выходят за рамки обыденного семейного быта (в силу естественных причин менее всего фиксируемого источниками), но всё же весьма показательны.

Что же касается отношений переселенцев с представительницами аборигенного населения, то и здесь складывалась более сложная ситуация, чем та, что изображалась дореволюционными авторами. Прежде всего следует отметить сильное преувеличение ими степени метисации сибиряков. Смешанные русско-аборигенные семьи и рождённые в них дети не являлись в Сибири редкостью, не запрещались Церковью, требовавшей лишь, чтобы переселенцы шли под венец с *крестившимися* «иноземками». Дети в таких семьях в правовом отношении никак не ущемлялись. Нередки были ситуации, когда официальные браки с «иноземческими женками» заключались «задним числом» — после появления у сожителей потомства. Из всех категорий русского населения Сибири такая «легализация» семейных отношений практиковалась чаще всего служилыми людьми и объяснялась понятным желанием устроить будущее детей. Согласно российскому законодательству, лишь воспитываемые законными супругами дети являлись полноправными наследниками имущества и социального статуса отца. Не последнее место имел и «материальный» интерес: служилый человек мог получать прибавку к хлебному и соляному жалованью («женатый» оклад), лишь находясь в законном браке¹⁶.

Однако следует обратить внимание на то, что браки с туземными женщинами получали заметное распространение только там, где русские сближались с аборигенами по образу жизни, т.е. занимались главным образом охотой и рыбной ловлей и потому широко заимствовали элементы бытовой культуры местных народов. В районах русской земледельческой колонизации, где и оседало большинство переселенцев, метисация носила незначительный характер. Поскольку «русскими» навыками домоводства представительницы аборигенного населения, как правило, не обладали, то и не могли стать для сохранявших традиционный уклад переселенцев хорошими жёнами, и поэтому документы

¹³ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 58—59.

¹⁴ Оглоблин Н.Н. Указ. соч. С. 201.

¹⁵ Резун Д.Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 59.

¹⁶ Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 32—33.

XVII в. фиксируют незначительное число межэтнических браков в западной и южной части Восточной Сибири (за исключением Забайкалья)¹⁷.

Другая ситуация складывалась в Якутии — особенно там, где русские расселялись в окружении намного превосходящих их по численности аборигенов и вели в основном охотничье-промысловое хозяйство. Из-за смешанных браков и культурно-бытовых заимствований некоторые изолированные группы русских промысловиков на Индигирке, Колыме и Анадыре со временем утратили не только внешнее сходство с сородичами из Европейской России, но и этническое самосознание. На северо-востоке Сибири вообще гораздо чаще и дольше, чем в других её регионах, практиковались и невенчанные браки с женщинами из местных народов, и простое сожительство с ясырками, которых либо захватывали во время военных столкновений с аборигенами, либо забирали у родственников за долги, а то и покупали: торговля «живым товаром» в Сибири XVII в. была обыденным явлением.

Примечательно, что на северо-востоке Сибири ясырки могли сопровождать своих хозяев — служилых и промышленных людей — в их длительных походах на «заморские» и «захребетные» реки. Самым известным тому примером явилось участие в экспедиции Семёна Дежнёва, обогнувшей Чукотский полуостров в 1648 г., некоей «якутской бабы», принадлежавшей инициатору этого плавания «торговому человеку» Федоту Алексею Попову (некоторые историки безосновательно называют её «женой» Попова и даже «проводником и толмачом» экспедиции)¹⁸. В связанных с этим походом документах упоминается и некая «чукотская женка» Фомы Пермяка — одного из спутников Дежнёва, а также «якутская женка именем Бычия» — ясырка промышленника Михаила Захарова. Таких невольниц в дежнёвском «войске», скорее всего, было намного больше: на Анадыре ему не раз приходилось брать штурмом «острожки» местных жителей, и среди взятых пленных, конечно, преобладали женщины и дети. Не вполне ясен статус находившихся при промысловых ватагах «иноземческих женок», выполнявших обязанности толмачей. Между тем их присутствие среди первопроходцев не являлось редкостью. На Анадыре во время пребывания там Дежнёва ему «толмачила» некая «юкагирская баба Нюрка» (судя по имени — крещёная). К экспедиции Юрия Селиверстова, отправившейся в 1651 г. вниз по Лене, специально придали для «толмачества» тоже какую-то юкагирку (она находилась на экспедиционном судне вместе с дочерью и сбежала с него из-за домогательств Селиверстова)¹⁹. Скорее всего, они тоже были ясырками.

О взаимоотношениях служилых и промышленных людей с ясырками по имеющимся источникам судить трудно — такие сведения крайне скудны, не всегда репрезентативны и толкуются неоднозначно. Хорошо известны случаи бесцеремонного и жестокого отношения первопроходцев к «иноземкам». Упомянутый Селиверстов дошёл в своем самодурстве до того, что, отнимая у подчинённых продовольствие и собак, не остановился и перед тем, чтобы отобрать у одного из промышленников его ясырку, а раздосадованный бегством

¹⁷ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 258; Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 31; Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 94—97; Этнография русского крестьянства... С. 47—48; Крестьянство Сибири... С. 412—413; Вершинин Е.В. Указ. соч. С. 314.

¹⁸ Васильевский Р., Резун Д. Воспитание историей. Новосибирск, 1987. С. 63.

¹⁹ Никитин Н.И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. М., 1999. С. 75, 108, 112, 118—119, 130—131, 142.

юкагирки-переводчицы, выбросил её дочь за борт. Вместе с тем упомянутый промышленник Михаил Захаров в своей «изустной памяти»²⁰ хоть и завещал свою «якутскую женку» продать (оценив её в 250 соболей), но в то же время озаботился сохранением за ней личного имущества: «А у ясыря моего кожан ровдужей, а опушка соболя и с срядой, шуба недоростинная, опушена лапками соболями, шапка соболя вершок парпяной, плат шитой, рубаха золотная. И то платье и медная сряда, чарки и чулки — тое и все, как еста — не продавать ничего, с нее не снимать, и двое серги серебряные». Отношения Захарова с якуткой Бычией можно было бы, наверное, назвать на современный лад «гражданским браком», если бы не их планируемый финал — продажу «гражданской жены» с последующей передачей вырученных средств монастырям. И уж совсем далёкая от благостности картина вырисовывалась на Камчатке и в смежных с нею областях. Как выяснил Г.Ф. Миллер, у местных народов женщина вообще считалась низшим и нечистым даже в сакральном значении существом, и поселившиеся на Камчатке русские быстро перенимали подобное отношение к «иноземкам»: «Жена должна одна выполнять всю домашнюю работу, одевать и раздевать мужа, прислуживать за столом и т.д. А чтобы мужчина хоть иногда помог жене в чём-нибудь или посадил во время еды рядом с собою за стол, это является там совершенно неслыханным делом»²¹. Самые безобразные случаи поведения русских на Камчатке современные историки описывают, ссылаясь на Г.В. Стеллера. Он был очевидцем того, как казаки в кабаке проигрывали ясырок в карты: «Случалось, что рабыня в течение вечера переходила к трём или четырёх хозяевам, причём каждый, кто выигрывал, её насиловал»²².

При всём непотребстве таких сцен их, однако, не следует объяснять лишь «грубостью нравов» камчатских служилых и тем, что среди них было много ссыльных уголовников. Следует учитывать и особенности менталитета коренных жителей региона, чьи моральные нормы в глазах европейских наблюдателей порой тоже выглядели как «дикость» и «бесстыдство». И это не только хорошо известный и широко распространённый среди местных племён обычай предлагать гостям на ночь своих жён и дочерей. Благодаря тому же Миллеру стала известна ещё одна любопытная сторона гендерных отношений на северо-востоке Азии, на которую обратил внимание А.Х. Элерт: «Во время военного похода против чукчей в 1730 г. капитан Павлуцкий запретил связи с пленницами, “и женщины, и девушки пришли в такое негодование, что осыпали русских солдат и казаков презрительными словами и говорили, что они не настоящие мужчины, если так плохо ухаживают за своими гостями”... чукотские и корякские пленницы, обращённые в рабство, отказывались работать, если хозяин не соглашался на сожительство с ними. О том же они сообщали и в отношении рабынь-камчадалок, которые в случае нежелания или неспособности своего господина уделять им мужское внимание, считали нарушенными их естественные права и убегали от хозяина»²³. В этой связи поразившее Стеллера обращение камчатских казаков с выигранными в карты ясырками может

²⁰ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов на северо-востоке Азии. М., 1951. С. 351—355.

²¹ Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 154—155.

²² Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. С. 136.

²³ Элерт А.Х. Указ. соч. С. 155.

получить иное толкование: возможно, это было не банальное насилие, а нечто вроде ритуала вступления в права собственности на новую рабыню?

Как бы то ни было, рассматривать ситуацию с «женским вопросом» на крайнем северо-востоке Азии как типичную для всей Сибири нет оснований, так же как считать, что «иноземки», рожавшие русским детей, были сплошь рабынями. Многообразие отношений переселенцев с представительницами аборигенного населения нельзя сводить только к «насильствам» и прочему произволу. При установлении между пришлым и коренным населением мирных отношений русские могли приобретать себе спутниц жизни «по уговору» с нерусскими соседями, в том числе и через выплату «калыма». О некогда широком распространении подобной практики свидетельствует то, что обычай давать за невесту калым нередко приживался в Сибири и среди русских и просуществовал у них вплоть до начала XX в. — особенно в местах чересполосного расселения с аборигенами²⁴.

При любом раскладе отношений переселенцев с «иноземками» итог их вольного или невольного сожительства не соответствовал представлениям историков, убеждавших читателей в массовой метисации русских жителей Сибири, приведшей к «созданию здесь своеобразного русско-сибирского типа», «особой народности»²⁵. Метисные (русско-аборигенные) группы населения за Уралом действительно существовали, однако их общая численность была сравнительно невелика и на генофонд основной массы сибиряков повлияла мало. Как показали специальные историко-антропологические исследования, в целом у русских старожилов Сибири доля предков из аборигенного населения не превышает 5—10%²⁶.

²⁴ *Никитин Н.И.* О взаимоотношениях русских и татар в Сибири XVII—XX веков // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII—XX вв. Сборник научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 32.

²⁵ *Фирсов Н.Н.* Указ. соч. С. 76.

²⁶ Русские старожилы Сибири... С. 174.